

МИФОНИМЫ КАК ЭТАЛОНЫ УРОДСТВА И КРАСОТЫ

Зифа ТЕМИРГАЗИНА, Ольга АНДРЮЩЕНКО

Павлодарский педагогический университет, Казахстан
E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz, olga_pav_pgpi@mail.ru

THE MYTHONYMS AS THE STANDARDS OF UGLINESS AND BEAUTY

Zifa TEMIRGAZINA, Ol'ga ANDRYUSHCHENKO

Pavlodar Pedagogical University, Republic of Kazakhstan
E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz, olga_pav_pgpi@mail.ru

ABSTRACT: The article solves the problem of the functioning of mythonyms as the standards of a beautiful and ugly person in the Russian linguistic world picture. It has been established that the characters of lower mythology are chosen as the standards of ugliness, since, according to the pagan views of the ancient Slavs, they have innate physical disabilities: lameness, hunchback, hairiness, horns, tail, etc. The names “death” and “mortal sin” denoting personified anthropomorphic creatures are used as generally accepted standards of ugliness in the Russian language. *Mortal sin* is a generalized, undifferentiated image of ugliness, while *death* has specific external signs: it is a bony, wrinkled, toothless old woman. Some names of demonic characters (*devil, demon, brat*) are used as standards of beauty, expressing the idea of demonic beauty as opposed to divine one. Religious characters (*god, angel, archangel, prophet*) act as a standard of beauty, transmitting, among other things, the visual impressions of native speakers of the Russian language and culture, obtained from pictorial sources, the iconography. The functioning of mythonyms as standards of beauty or ugliness is based on the binary opposition “friend — foe”. Mythonyms-standards are marked according to the principle of gender correspondence of the sex of the object of comparison to the sex of the standard. Some mythonyms are gender neutral (*angel, devil, demon*). The functioning of mythonyms as the standards of ugliness / beauty is associated with the “vitality” of mythological thinking in the minds of native speakers of language and culture.

KEYWORDS: mythonym, mythological character, standard, beauty, ugliness, comparative construction, metaphor

Познание и освоение человеком мира осуществляется в системах бинарных координат („свой — чужой”, „хорошо — плохо”, „красота — уродство”, „там — здесь”, „далеко — близко”, „прошлое — будущее”, „живое — неживое”, „мужское — женское” и т. д.), закрепленных в культуре и в языке. Если в окружающем мире существует красота, то в нем должна иметь место и ее антитеза — уродство, или безобразие. Несмотря на универсальность, эта оппозиция относится к конкретно-историческим категориям. Она на протяжении многих веков привлекает пристальное внимание ученых: искусствоведов, психологов, социологов, философов, антропологов, языковедов. Однако в этой оппозиции исследователи издавна отдают предпочтение категории прекрасного, или красоты (см., например, Fraser, 1986). У. Эко в своей работе „Storia della bruttezza” писал о том, что в то время, как почти в каждом столетии философы и художники записывали свои идеи о красоте, важные тексты о концепции уродства составляют лишь горстку (Есо, 2007).

В русском языкознании красоте как когнитивному образованию — концепту посвящено значительное количество работ, в том числе диссертационных исследований (см. Летуновская, 2004, Ху, 2006, Клинцева, 200, Окунева, 2009, Каирова, 2010), статей (см. Ковшова, 2004, Черкашина, 2014) и проч. Лингвистов особенно интересовали специфические черты концептуализации красоты в различных языках: представления о красоте в русском языке сопоставлялись с английским, немецким, казахским, китайским и другими языками. В ряде работ концепт „красота” соотносится с понятием „безобразие” (см., например Арутюнова, 2004).

Специальных работ, посвященных проблеме вербализации понятия собственно уродства/ безобразия, в лингвистике крайне мало. Можно назвать статью Н. В. Поповой (Попова, 2009), в

которой безобразии рассматривается как лексико-семантическое поле, состоящее из микрополей. Иначе говоря, понятие уродства с лингвистической точки зрения до сих пор остается в русском языке малоработанным.

Мы исследуем эталоны красоты и уродства на материале Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). Эталоны как способ мироизмерения человеком объектов и явлений окружающей действительности (качеств, понятий, признаков и действий), их отражение в языковых картинах мира стали предметом исследования в работах А. С. Алёшина (Алешин, 2009), А. Х. Хади (Хади, 2010), А. О. Долговой (Долгова, 2012), А. Альбековой, З. Курмановой и др. (Albekova, Kurmanova, et al., 2021). Эталонная образность вербализуется в компаративных конструкциях, в которых эксплицитно представлены все элементы сравнения: объект сравнения, эталон сравнения и основание сравнения. Кроме этого, эталоны имплицитно представлены в метафорах.

Круг эталонов обширен, поэтому мы ограничили предмет исследования тематической группой имен славянских христианских и мифологических персонажей (далее МП). Выбор мифонимов обусловлен „жизнеспособностью” мифологического и религиозного мышления в сознании носителей языка и культуры, образной народной памятью, в том числе в повседневном общении (Ivanova, Petkova, 2020). По убеждению философов, по сей день мифологическая действительность для обычного человека более жизненна, чем действительность, проецируемая наукой. „Мифологическое объяснение мира существует не до научного, а наряду с научным, мифологическая действительность не абстрагируется в научных процедурах, а является параллельной, альтернативной научному видению мира. Причем мифологическая действительность сильнее и, так сказать, более всеобъемлюща, чем действительность, проецируемая наукой” (Ионин, 1996, с. 152).

Исследователи устанавливают разницу между ролью и местом политеистического мифологического мышления и языческих представлений о персонажах низшей мифологии¹ в мировидении славян. „В сферу Н. м. входят мифологические существа, не имеющие божественного статуса, различные демоны и духи” (Токарев, 2008, с. 724). Считается, что персонажи низшей мифологии вмешиваются в человеческую жизнь, встречаются с людьми, превращаются в людей. Если посредством характеристики богов, присущих им функций, качеств и родственных связей выстраивается глобальная картина мироздания в языческой культуре, то „персонажи низшей мифологии не определяют мировидение так масштабно, однако они ближе к человеку, к его повседневному быту, его чаяниям и опасениям, они в большей степени метафорически отражают те явления жизни, те социальные и личностные свойства, с которыми человек сталкивается каждый день, которым он вынужден и может противостоять. Кроме того, приобщение народов к монотеистическим религиям традиционно вытесняло из народного сознания образы языческих богов и героев, заменяя их близкими по функциям святыми, в то время как демонологические персонажи не покидали орбиту народного интереса и внимания, сохраняя в себе отголоски наиболее древних мировоззренческих элементов” (Ермакова, Прокопова и др., 2018, с. 33). Ученые отмечают сложность четкого разграничения мифологии и религии: „С момента возникновения исследований мифа перед культурологами, этнографами, религиоведами актуальной стала проблема взаимодействия мифа и религии, которая важна и в современный период, т.к. сегодня оба феномена существуют, взаимодействуют, переплетаются. Иногда очень сложно выявить для исследования, где собственно религиозные компоненты мировосприятия, а где мифические” (Путилина, Шуталева и др., 2019, с. 5). Мы в своей статье опираемся на понятие „религиозная мифология” (Яблоков, 2012, с. 91), которое объединяет многие элементы мифологического и религиозного сознания, связанные общностью черт вымышленности, иррациональности, ритуальности, эмоциональности, веры и т.п. К подобным религиозно-мифологическим элементам, в частности, можно отнести персонажи. В статье используется термин „мифологический персонаж” (далее МП). Он, по мнению Л. Н. Виноградовой, является более „нейтральным, охватывающим разные персонажные типы”, не

¹ Термин „низшая мифология” введен немецким этнографом В. Маннгардтом (Токарев, 2008, с. 724).

только персонажи демонологической системы, но и многие общенародные образы (герои сказок, мифов, былин) (Виноградова, 2001, с. 10; см. также: Moszyński, 1967, с. 602). Мы включаем в него в том числе религиозные персонажи.

Эталоны уродства и красоты человека выражены специальными лексическими единицами – мифонимами, обозначающими МП. Мифонимы являются разновидностью теонимов (от греч. *teo* „бог” и *onim* „имя”), т.е. имен и классификационных названий богов, божеств (Суперанская, 2006, с. 81). Исследователи предлагают широкое толкование термина: „Мифонимы — это именованья людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и т. п., в действительности никогда не существовавших” (Бабалова, Кучешева, 2016, с. 61). Другие сужают этот термин и включают в него только имена собственные — одушевленные и неодушевленные: „Под мифонимами понимают именованья вымышленных объектов любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках” (Подольская, 1978, с. 125). Мы также принимаем широкое толкование термина „мифоним” как общую номинацию для различных мифологических объектов, имеющих вымышленную природу.

Основным источником языкового материала является НКРЯ, из которого были извлечены компаративные конструкции с союзами *как*, *словно*, *точно*, *будто*, *как будто* и основанием сравнения, выраженным антонимическими лексическими репрезентациями понятия красоты (прилагательными *красивый*, *прекрасный*, *обольстительный*, *обворожительный*, *хорош(-а)* и т. п.) и понятия уродства (прилагательными *уродливый*, *безобразный*, *страшный*, *некрасивый* и т. п.). Эталоны красоты и уродства в них выражены мифонимами славянского языкового и христианского происхождения. Р. З. Мурысов пишет: „Мифология представляет собой как особый жанр творчества неисчерпаемый источник лингвистического анализа. Она оказала большое влияние на развитие словарного состава языков и их фразеологии...” (Мурысов, 2015, с. 955).

Из НКРЯ отбирались высказывания с указанными выше компаративными конструкциями, представленные в виде конкорданса. Мы использовали параметр неснятой омонимии, так как он значительно увеличивает количество эмпирического материала. Полученный конкорданс рассмотрен далее с точки зрения функционирования того или иного вида эталона в компаративной конструкции. В статье дан контекстуальный анализ эталонов-мифонимов в НКРЯ. Для него значимы синтагматические связи языковых единиц. Для углубленной интерпретации и реконструкции семантики мифонимов мы применили культуроведческий комментарий, в котором приводятся релевантные для носителей языка историко-культурные сведения обрядово-фольклорного характера. Культуроведческий комментарий связан с междисциплинарностью полученных результатов. Важным методом исследования является также измерение частотности функционирования эталонов-мифонимов, т.е. количества вхождений в НКРЯ.

Демонические персонажи славянской и христианской мифологии в роли эталонов уродства

Основными вербальными репрезентантами категории уродства в русском языке являются слова *уродство*, *безобразие*, *некрасивость*. Существительное *уродство* образовано от глагола *уродиться*. „В русском языке глагол “уродиться” не имеет отрицательной характеристики. В культурной традиции уродство, как и красота, получает сакральную санкцию. В некоторых западнославянских языках *ugoda* означает “красота, красавица“. Красота, как и уродство, — Божий дар и Божье наказание” (Зализняк, Шмелев, 2004, с. 209–230).

В православных христианских традициях физическая ущербность не осуждается, а наоборот, считается, что уродливый человек отмечен богом, более близок к нему, его следует почитать. В русской культуре существует понятие *юродивый*, которое означает „блаженный, аскет-безумец или принявший вид безумца, обладающий, по мнению религиозных людей, даром пророчества” (МАС, 1999). Оно этимологически связано со словами *уродливый*, *уродство*, *уродиться*.

Основными семантическими признаками понятия уродства, согласно словарю, являются: некрасивая, безобразная внешность; отклонение от нормы в строении живого организма; врожденность аномалии; физический характер аномалии (Ефремова, 2000). У. Эко высказал парадоксальное мнение о визуальных признаках уродства и красоты: „Должен отметить, что искать визуальные материалы для истории уродства было куда забавнее, чем для истории красоты. Красота в каком-то смысле скучна, ведь даже если само понятие претерпевает какие-то изменения во времени, то конкретные объекты все равно должны отвечать неким требованиям. К примеру, красивый нос не может быть длиннее или короче определенных параметров, а уродливый нос может быть какого угодно размера и формы. Уродство непредсказуемо, красота же предельна” (Есо, 2007).

Л. Н. Виноградова ясно указывает, что понимание уродства в русской культуре тесно связано с древнеславянскими языческими представлениями о демонических существах — представителях низшей мифологии: „Уродство — физический недостаток, аномалия внешнего облика, приписываемые в народной культуре демоническим существам и „чужим” народностям; у людей и домашних животных считается следствием воздействия вредоносных духов или наказанием за грехи, святотатство, нарушение запретов. Под уродством понимается отсутствие частей тела (ног, рук, глаз, ушей, носа, пальцев) или их избыточность (шестипалые руки или ноги, два ряда зубов, чрезмерная волосатость тела, непомерно большие груди у женщин); непропорциональное телосложение (горбатость, кособокость, большая голова, укороченные или слишком длинные конечности, кривые ноги, вывернутые ступни, чрезмерная худоба или полнота); любые отклонения от нормы телесной и психической (косоглазие, слепота, перекошенный рот, сросшиеся пальцы, „заячья губа”, немота, глухота, умственная неполноценность и т. п.)” (Виноградова, 2012, с. 373).

Жизнеспособность и актуальность для профанного сознания современных носителей языка и культуры славянских и христианских демонологических МП выражается в использовании их в функции эталонов уродства человека. М. Кепа так объясняет эту ситуацию: „Сегодня славянские демоны, больше не рассматриваемые никем в здравом уме как жизнеспособная сила, стали ярким элементом современной культуры, чья популярность связана с продолжающейся тенденцией людей связываться со своими корнями и наследием” (Кера, 2017). К наиболее распространенным эталонам относятся такие отрицательные МП низшего ранга, как ведьма, баба-яга, кикимора, русалка, леший, бес, кощей, черт, демон, оборотень. Контент-анализ примеров из НКРЯ показывает, что при употреблении мифонимов в качестве эталонов красоты и уродства соблюдается принцип гендерного соответствия, т. е. пол объекта сравнения должен соответствовать полу эталона сравнения, иначе говоря, уродство и красота мужчин сравниваются с мужскими МП, женщин — с женскими МП.

В функции эталона женского уродства в НКРЯ употребляются мифонимы *кикимора* (11 вх.² в НКРЯ), *ведьма* (7 вх.), *баба-яга* (3 вх.), *русалка* (1 вх.):

(1) Ты красотка, а она **кикимора**. Девочка молчит. (Галина Щербакова. *Мальчик и девочка* (2001));³

(2) Савелий, пожимаясь, кашляет, а лесник, тёмный и мохнатый, **словно кикимора**, озирает нас маленькими острыми глазками. (Максим Горький. *Лето* (1909));

(3) Она была **страшна, как ведьма**, и все дети ее боялись (Владимир Войнович. *Замысел* (1999));

(4) ... чудовище, страшная одноглазая карга, суцая **баба-яга**, я боюсь на нее и взглянуть-то! (В. Ф. Кормер. *Крот истории или революция в республике S=F* (1979));

² Сокращение вх. используется далее в тексте и является кратким вариантом от слова „вхождение”, которое означает „употребление”.

³ Все примеры далее приводятся из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

(5) *Особенно очаровательна девушка... обольстительная, как сирена, неуловимая, как ундина, страшная, как русалка, быстрая, как прелестная тень или волна...* (Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986–1987)).

„Уродство — отличительная черта персонажей нечистой силы. [...] Проявлением хтонической сущности демонов и “знающих” людей считались хромота, одноноготь, беспятость, вывернутость стопы либо звериные ноги” (Виноградова, 2012, с. 373). Кроме общего, недетализированного представления о женском уродстве, переданного мифонимами *ведьма, кикимора, русалка, баба-яга*, в примерах приведены и конкретные признаки уродства у названных МП: кособокость, горбатость, мохнатость, нескладность, маленький рост у кикиморы; носатость, беззубость, одноглазость, когтистые руки у бабы-яги.

Отметим гендерную немаркированность мифонима *кикимора*, который, несмотря на то что является обозначением существа женского пола, используется для описания не только женского (1), но и мужского уродства (2). Эталоном мужского уродства, по данным НКРЯ, выступают *бес* (9 вх.), *кощей* (7 вх.), *черт* (7 вх.), *леший* (3 вх.), *оборотень* (1 вх.), *демон* (1 вх.):

(6) *„Он страшный, как бес”*, сказала Аза Алибековна (В. В. Биbihин. Алексей Федорович Лосев (1975–1977));

(7) *Но самое пикантное в том, что Милочка-то страшна как черт, а Черепков — свои его Черепом звали — писанный красавец, прямо Антонио Бандерос.* (Вадим Громов. Компромат для олигарха (2000));

(8) *Горданов был страшен как демон...* (Н. С. Лесков. *На ножах*, 1870);

(9) *Ну вылитый Кощей Бессмертный — лица нет, один нос!* (Ю. Домбровский. *Рождение мыши* (1951–1956));

(10) *Страшный, как леший, рок-звезда Кьеркегоренко вопил уже привычное: „Красная сволочь, вон из Кремля!* (Василий Аксенов. *Негатив положительного героя* (1996));

(11) *Колченогий был страшен, как оборотень. Я вернулся в комнату, где меня ждали ключик и дружочек* (В. П. Катаев. *Алмазный мой венец*, 1975–1977).

В системе МП образ черта (беса) стоит особняком, он „свободно может замещать почти любой демонологический образ, выступая в роли обобщенной (родовой) фигуры для обозначения любых персонажей нечистой силы” (Виноградова, 2001, с. 19).

Исследователи отмечают семантическую связь между словами *бес, демон*, а также их близость слову *черт*. „Чёрт (рус. „чёрт”, „чорт”, укр., белорус, чорт, словен. crt, чеш., словац. serť, польск. czart, вероятно, из праслав. *sьrt, „проклятый”), в славянской мифологии злой дух. Образ Ч. дохристианского происхождения, но христианские представления о дьяволе оказали решающее воздействие на его позднейший облик: в фольклоре и народных картинках Ч. – антропоморфные существа, покрытые чёрной шерстью, с рогами, хвостами и копытами” (Токарев, 2008, с. 1085).

Как показывает контекстуальный анализ, у беса и черта как эталона уродства носители русского языка фиксируют такие черты, как хромота, чернота; у кощей — большой нос, костлявость, впалые щеки, ввалившиеся глаза, черные круги под глазами; у лешего — излишняя волосатость, лохматость.

Мифонимы *Баба-Яга, Кощей* изначально употреблялись в фольклоре как имена собственные, обозначая индивидуальный персонаж, затем приобрели обобщенное значение, сохранив основные характеристики первоначального лица. „При семантической деривации мифонимы, как и собственные имена людей, переходят в имена нарицательные, как правило, со значением характеристики лица по тем или иным чертам характера, которые были присущи прототипическим мифическим персонажам” (Мурясов, 2015, с. 952).

Здесь важно отметить, что речь идет об отрицательных МП. Именно они избираются носителями языка и культуры эталонами уродства. Чем же это обусловлено? На наш взгляд, в основе выбора говорящими данной группы эталонов уродства лежит архетип “свой” — “чужой” как проявление коллективного бессознательного. Все свое кажется нормальным, близким, привычным, красивым, а все чужое — аномальным, некрасивым, уродливым, опасным. К. Г. Юнг считает, что

коллективное бессознательное не может быть забыто или вытеснено, оно находит выражение в творчески оформленном материале. „Прообраз, или архетип, есть фигура — будь то демона, человека или события, — повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия. Соответственно мы имеем здесь в первую очередь мифологическую фигуру” (Юнг, 1991, с. 283). Он, как мы видим, подчеркивает взаимосвязь архетипа и МП.

Демонические существа, согласно языческим и христианским воззрениям, принадлежат чуждому, потустороннему миру, они опасны и способны причинить вред человеку. „Представление о доминировании во внешнем мире враждебных сил способствовало появлению в мифологии народов мира ряда отрицательных персонажей, угрожающих жизни и здоровью человека, его благосостоянию, безопасности его имущества” (Ермакова, Прокопова и др., 2018, с. 33). Их внешность отличается от обычного вида людей: горб, большой нос, костяная нога, маленький рост, рожки на голове, волосатость лица, хвост и т. п. В эстетическую оценку внешности человека с помощью демонических МП входит и эмоциональная коннотация — страх и боязнь человека перед демоническими существами.

Демонические персонажи в функции эталонов красоты

В НКРЯ отмечены случаи употребления демонических МП в функции эталонов красоты: *чертовка* (8 вх.), *ведьма* (2 вх. в НКРЯ), *русалка* (2 вх.), *демон* (2 вх.), *черт* (1 вх.):

(12) *Николке она показалась страшно красивой, как ведьма, и липкой.* (М. А. Булгаков. *Белая гвардия* (1923–1924));

(13) *Она, пятнадцатилетняя девочка, — непонятная, как русалка, и такая же прекрасная, — вместе со мной рисовала, читала; она выслушивала всякие мои глупости...* (Марина Палей. *Дань саламандре* (2008));

(14) *Голубоглазый атлет, красив как черт, умен как бес*”. (Владимир Санин. *Не говори ты Арктике — прощай* (1987));

(15) *А собой хороши, как демон: волосы кучерявые, брови ровные, глаза синие...* (М. И. Цветаева. *О любви* (из дневника) (1918–1919));

(16) *Но хороша была, чертовка, хороша, эта бывшая модель с испорченной карьерой, которой пришлось наниматься в секретарши.* (Влада Валеева. *Скорая помощь* (2002)).

По мнению Н. Д. Арутюновой, самыми мощными силами обладают два противоположных идеала красоты — дьявольский и божественный: „[...] В демонической красоте человека прекрасная внешность соединилась со злом и пороками, необузданными страстями и сексуальной страстностью, жестокостью и агрессивностью, нарушающими гармонию внутреннего мира, но придающими этому типу красоты особую притягательную и властную силу. Ее воздействию трудно противостоять” (Арутюнова, 2002, с. 490). Носители русского языка, выбирая эталоном красоты демонических персонажей, как раз характеризуют дьявольскую, или демоническую красоту, в которой внешняя привлекательность вступает в противоречие с нравственной сущностью человека. Красота в аксиологическом плане амбивалентна и сочетается со своей противоположностью — уродством. Негативное отношение носителей языка к демоническим МП проявляется в эмоционально-оценочной коннотации опасности, настороженности по отношению к демонической красоте. М. Ю. Лермонтов писал о подобной красоте в балладе „Тамара” (1841 г.):

*В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.*

Смерть и смертный грех как эталоны уродства

Распространенным эталоном уродства в русской языковой картине мира является *смерть* (16 вх. в НКРЯ):

(17) ... *Я страшна как смерть*... ну чисто ведьма, ладно бы голова... (Екатерина Завершнева. *Высотка* (2012));

(18) *Страшный, как смерть, стал.* — Будут вас, дядя Андрей, черви есть! (И. С. Шмелев. *Солнце мертвых* (1923)).

Смерть в роли эталона уродства выступает как персонифицированный антропоморфный персонаж славянской мифологии: „Под влиянием книжных традиций смерть представляют себе скелетом с косою (о.-слав.), однако она чаще воспринимается как типичный женский мифологический персонаж (ср. пол. *Ciotka Smierc, kuma Smierc*, словац. *Smrtka, tetka Smrt, kmotra Smrt*) — это старуха, худая и страшная (с.-рус.)” (Толстая, 2012, с. 63).⁴ В образе смерти носители русского языка фиксируют такие внешние признаки, как костлявость, бледность, дряхлость, большие зубы, курносый нос. Их можно определить как прототипические признаки персонифицированной смерти. Именно этот прототип предстает и в живописном изображении смерти на различных картинах, гравюрах, рисунках.

К персонифицированным антропоморфным явлениям из области христианской мифологии относится *смертный грех* (20 вх. в НКРЯ):

(19) *Он чуть было не сказал, что Якимова безобразна, как смертный грех* (М. А. Алданов. *Истоки*. Части 9–17 (1942–1946));

(20) „*Но уж дурен-то — как смертный грех!*” (Е. А. Салиас. *Аракчеевский сынок* (1888)).

Смертный грех, согласно библейским представлениям, есть тяжелый непростительный грех, ведущий к потере души, если не будет покаяния со стороны согрешившего. Исследователи отмечают взаимосвязь понятий „грех” и „уродство” и в других языках: „Лексема *грех* в трех языках выступает усилителем признака ‘некрасивый, уродливый’: *дурен* (или *страшен*) как *смертный грех* (МАС, I, 346) (*смертный грех* — „в религиозных представлениях грех, который ничем нельзя искупить, который влечет за собой после смерти вечную муку в аду (...)” (Млтк, 120)); *ugly as sin* (досл. ‘уродливый как грех’) (Oxf, 1200); *hässlich wie die Sünde* (досл. ‘страшный как грех’) (DudId, 312)” (Долгова, 2012, с. 497–498).

В этом персонаже-этalone отсутствует конкретная детализация внешнего уродства, в основу выбора эталона положено общее негативно-эмоциональное отношение к смертному греху и уродству как явлению. Распространенность этого эталона в НКРЯ обусловлена, по всей вероятности, его укорененностью в религиозном сознании носителей русской культуры. Смерть, в отличие от смертного греха, обладает в глазах носителей русского языка конкретным внешним обликом, характеризующимся рядом деталей. В таблице 1 представлены эталоны уродства и красоты — наименования демонических МП.

Таблица 1. Мифонимы – эталоны уродства и красоты

Мифонимы	Мифонимы- эталон уродства	Мифонимы- эталон красоты
<i>Ведьма</i>	+ ⁵	+
<i>Кикимора</i>	+	
<i>Баба-яга</i>	+	
<i>Русалка</i>	+	+
<i>Бес</i>	+	
<i>Черт</i>	+	+

⁴ См. также о персонификации смерти: „Уродливыми или горбатыми существами с кривыми руками и ногами, искривленным носом представляются в народных верованиях лихорадка, оспа, смерть, кикимора” (Виноградова, 2012, с. 374).

⁵ (+) означает способность мифонима быть эталоном уродства или красоты.

<i>Леший</i>	+	
<i>Кощей</i>	+	
<i>Оборотень</i>	+	
<i>Демон</i>	+	+
<i>Чертовка</i>		+
<i>Смерть</i>	+	
<i>Смертный грех</i>	+	

Корпусный анализ показывает: ряд мифонимов носит амбивалентный характер и, соответственно, они способны выступать в роли эталонов и уродства, и красоты: *ведьма, русалка, черт, демон*. Мифоним *чертовка*, несмотря на то что обозначает демонический персонаж, употребляется в русском языке только в качестве эталона красоты, хотя и демонической.

Мужская и женская красота различалась во все времена, эталон для них оказывался разным. Религиозно-языческие персонажи в функции эталонов красоты и уродства также различаются по полу. Маркированность наименований демонических существ по гендерному признаку как эталонов уродства и красоты мотивирована их принадлежностью к полу — мужскому или женскому, например, *ведьма* как существо женского пола является эталоном уродства девушки, женщины (3), а *леший* — мужчины (10) и т. д. Ряд мифонимов гендерно не маркирован, т. е. они способны обозначать красоту/ уродство и мужчин, и женщин.

Гендерная маркированность рассмотренных выше эталонов уродства/ красоты по данным НКРЯ представлена в *Таблице 2*.

Таблица 2. Гендерная маркированность эталонов уродства/ красоты — наименований МП

Названия МП	Женский эталон	Мужской эталон	Немаркированный эталон
<i>Ведьма</i>	+		
<i>Кикимора</i>	+		
<i>Баба-яга</i>	+		
<i>Русалка</i>	+		
<i>Бес</i>		+	
<i>Черт</i>			+
<i>Леший</i>		+	
<i>Кощей</i>		+	
<i>Оборотень</i>		+	
<i>Демон</i>			+
<i>Чертовка</i>	+		
<i>Смерть</i>			+
<i>Смертный грех</i>			+

Мифонимы *черт, демон* гендерно не маркированы и являются эталонами мужской и женской красоты, см.: (14), (15). Антропоморфный образ *смертный грех* не имеет признаков пола и относится к немаркированным эталонам уродства, см.: (19), (20). Персонифицированная *смерть*, будучи существом женского пола в языческих представлениях славян, также не маркируется с гендерной точки зрения и используется для измерения мужского и женского уродства: (17), (18).

Мифонимы в функции эталона красоты

Эталонами красоты носители русского языка выбирают христианские мифонимы *бог, ангел, архангел* и т. д., которые являются важной частью духовной сферы русского человека. С оценочной точки зрения они относятся к позитивно воспринимаемым объектам, вызывающим сильные эмоционально-экспрессивные положительные реакции у носителей языка. Русской религиозно-духовной культуре свойственно живописное изображение бога, ангелов, пророков и т. п. Иконы транслируют эстетические идеалы, глубоко укорененные в сознании русского человека, поэтому выбор в качестве эталона красоты бога, архангела, ангела вполне закономерен. По мнению Н. Д. Арутюновой, они воплощают в себе божественную красоту, противопоставляемую дьявольской. Образ Христа демонстрирует идеальное „положительно прекрасное лицо“, которое прекрасно во всем: и в духовном, и во внешнем (Арутюнова, 2002, с. 490). Ангел в церковной книжной традиции — это посланник, охраняющий людей, посредник между ними и небом. Внешний образ ангела абстрактен, в нем практически отсутствуют какие-либо детали. Гораздо богаче он представлен в иконографии, близкой к народному искусству. Иконопись оказала влияние и на народное представление о внешнем облике ангела. Н. И. Толстой говорит об этом: „Ангелы — молодые, красивые, русоволосые и длинноволосые юноши с большими крыльями в белых, иногда позолоченных одеждах, обычно с посохом в руке” (Толстой, 1995, с. 107).

В НКРЯ отмечается употребление перечисленных мифонимов в качестве эталонов красоты: *бог* (11 вх.), *ангел* (9 вх.), *Гавриил* (2 вх.), *архангел* (1 вх.), *мадонна* (2 вх.), *пророк* (1 вх.):

(21) *Его зовут Саид. Красивый — как бог!* (Светлана Алексиевич. *Время second-hand // „Дружба народов”*, 2013);

(22) *Невинная, неопытная, но прекрасная, как ангел, Анна Петровна скоро сделалась его жертвой, попала, как птичка в расставленные ей сети.* (Н. Э. Гейнце. *Коронованный рыцарь* (1898));

(23) *Корамбе, — рассказывает она, — был чист и милосерден, как Иисус, лучезарен и прекрасен, как Гавриил, обладал грацией нимф и поэзией Орфея.* (А. Н. Анненская. *Жорж Санд. Ее жизнь и литературная деятельность* (1893));

(24) *Теперь он был вновь перед ним — прекрасный и строгий, как архангел с мечом.* (И. А. Новиков. *Золотые кресты* (1907));

(25) *Русскоговорящая гидесса Наташа, клонированная овца, блин, длинноногая, красивая, как мадонна, стояла в широком переходе ...* (Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. *Человек „Ч”* (2001));

(26) *Тот часами сидел на стуле — красивый, как библейский пророк, с ермолкой на белых космах, — дремал или смотрел на происходившее во дворе пустынным заоблачным взором...* (Дина Рубина. *Уроки музыки* (1982));

(27) *Большой, красивый, как молодой бог, и силен — метатель молота.* (Павел Сиркес. *Труба исхода* (1990–1999)).

В (23) употребляется имя архангела – Гавриила, одного из наиболее популярных православных персонажей в православной культуре. В (24) речь идет об архангеле Михаиле – предводителе воинства Христова, так как именно он изображается в иконописи с мечом (см.: Пенчева, 2020, с. 127). Молодость в ряде случаев подчеркивается как дополнительный эталонный признак красоты бога — “молодой значит красивый”, см. (27). Компаративная конструкция *красивый как молодой бог* имеет в НКРЯ 5 вхождений.

Богоматерь предстает в двух исторически сложившихся канонах восприятия: в западноевропейской культуре — католическая Мадонна, в которой в первую очередь видели воплощение внешнего очарования, телесной красоты; в русской православной культуре — Богородица, символизирующая жертвенность, всепрощение, материнскую любовь. Ф. И. Буслаев писал о католическом образе мадонны: „[...] нравственные идеи христианства очень рано приняли художественный оттенок, под влиянием безусловного поклонения красоте, которую прославляли трубадуры и миннезингеры. Не в одной художественной Италии, но и в прочих европейских

странах, в средние века поэтический образ Мадонны украсился, в воображении поэтов-художников, не только сиянием благочестия и святости, но и красоты” (Буслаев, 1990, с. 217–218).

Функционирование мифонима *мадонна* в роли эталона красоты в русской картине мира (25) связано, на наш взгляд, с распространенностью этого образа в мировой живописи: на знаменитых полотнах Рафаэля, Леонардо да Винчи, Боттичелли и т. д. Гендерная маркированность христианских мифонимов показана в *Таблице 3*.

Таблица 3. Гендерная маркированность эталонов красоты — наименований религиозных персонажей

Названия религиозных персонажей	Женский эталон	Мужской эталон	Немаркированный эталон
<i>Бог</i>		+	
<i>Ангел</i>			+
<i>Архангел</i>		+	
<i>Гавриил</i>		+	
<i>Пророк</i>		+	
<i>Мадонна</i>	+		

Мифоним *ангел* характеризует женскую и мужскую красоту, он гендерно не маркирован. Остальные религиозные мифонимы используются в соответствии с принципом гендерного соответствия объекта сравнения и эталона сравнения.

Заключение

Исследование НКРЯ показало, что понятия красоты и уродства в русском языке тесно связаны с языческими и религиозными представлениями, а точнее с МП, которые выбираются носителями языка и культуры в качестве эталонов красоты или уродства. Наиболее распространены в этой функции персонажи низшей мифологии: *ведьма, русалка, бес, черт, леший* и т. п., среди религиозных персонажей – *бог, ангел, архангел*. В основе функционирования мифонимов лежит архетипическая оппозиция „свой” — „чужой”. Демонические персонажи низшей мифологии принадлежат, с точки зрения носителей языка и культуры, иному, потустороннему миру, они опасны и могут нанести вред человеку, кажутся ему чужими, непривычными, обладающими физическими аномалиями. Поэтому именно демонические персонажи выступают эталонами уродства. Даже если они употребляются для характеристики красоты, то красоты демонической. Христианские персонажи входят в ближний, „свой” круг жизнедеятельности человека, являясь важной составной частью его духовного мира, они кажутся ему близкими, нормальными, воплощают идею божественной красоты, противопоставленной дьявольской. Внешние признаки христианских МП отражены в живописных изображениях, на картинах, в иконах.

Выбор мифонимов гендерно маркирован, часть эталонов определяет женскую красоту, часть – мужскую. Некоторые мифонимы гендерно не маркированы: *ангел, черт, демон, смерть, смертный грех*. Мифонимы-эталон маркируются по гендерному признаку на основе принципа соответствия пола объекта сравнения полу эталона. Мифонимы представляют значительный интерес для исследователей истории и предыстории человечества, так как в них сохранились результаты познания и освоения человеком окружающего мира в бинарных оппозициях. Элементы мифологического мышления, по мнению многих исследователей, чрезвычайно жизнеспособны и актуальны для языкового сознания современных носителей русского языка и культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Алёшин, А. (2009)

Система образов-эталон устойчивых сравнений шведского языка, характеризующих человека // *Проблемы истории, филологии, культуры*.

2009. № 4(26), с. 175 – 180. (*Aljoshin, A. Sistema obrazov-etalonov ustojchivyh sravnenij shvedskogo jazyka, harakterizujushchih cheloveka // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2009. No 4 (26), s. 175 – 180).*
- Арутюнова, Н. (2002)** Мужчины и женщины: конкурс красоты // Wiener slawistischer Almanach. Wien, Munchen, 2002. С. 483 – 499. (*Arutjunova, N. Muzhchiny i zhenshchiny: konkurs krasoty // Wiener slawistischer Almanach. Wien, Munchen, 2002. S. 483 – 499).*
- Арутюнова, Н. (ред.) (2004)** Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. (*Arutjunova, N. (red.). Logicheskij analiz jazyka. Jazyki estetiki: Konceptual'nyje polja prekrasnogo i bezobraznogo. M.: Indrik, 2004).*
- Бабалова, Г., Кучешева, И. (2016)** Семантическая классификация мифонимов (на материале английского языка) // *Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Омск, 2016. С. 61 – 64. (Babalova, G., Kuchешеva, I. Semanticheskaja klassifikacija mifonimov (na materiale anglijskogo jazyka) // Aktual'nyje problemy lingvistiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. Omsk, 2016. S. 61 – 64).*
- Буслаев, Ф. (1990)** О литературе: исследования, статьи. М.: Художественная литература, 1990. 512 с. (*Buslajev, F. O literature: issledovanija, stat'i. M.: Hudozhestvennaja literature, 1990. 512 s.*).
- Виноградова Л. (2001)** Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения. Дис. ... докт. филол. наук. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. 91 с. (*Vinogradova, L. Slavjanskaja narodnaja demonologija: problemy sravnitel'nogo izuchenija. Dis. ... dokt. filol. nauk. M.: Institut slavjanovedenija RAN, 2001, 91 s.*).
- Виноградова, Л. (2012)** Уродство. – Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 373 – 375. (*Vinogradova, L. Urodstvo. – Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'. Pod obshchej red. N. I. Tolstogo. T. 5. M.: Mezhdunarodnyje otnoshenija, 2012. S. 373 – 375).*
- Долгова, А. (2012)** Образы и эталоны в устойчивых сравнениях, характеризующих внешний вид человека (на материале русского, английского и немецкого языков).–В: Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet. Warszawa, 2012. S. 490 – 499. (*Dolgova, A. Obrazy i etalony v ustojchivyh sravnenijah, harakterizujushchih vneshnij veshnij vid cheloveka (na materiale russkogo, anglijskogo i nemeckogo jazykov). –V: Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet. Warszawa, 2012. S. 490 – 499).*
- МАС (1999)** Словарь русского языка. В 4-х томах. Под ред. А. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. <<http://feb-web.ru/feb/mas/>> (19.02.2022). (*Jevgen'jeva, A. (red.). Slovar' russkogo jazyka. V 4-h tomah. M.: Russkij jazyk, 1999. <http://feb-web.ru/feb/mas/> (19-02-2022).*
- Ермакова, Е., Прокопова, М. и др. (2018)** Номинация персонажей низшей мифологии в тюркском и славянском языковом сознании: семантико-культурологический аспект. // *Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427, с. 33 – 38. (Jermakova, J., Prokopova, M. i dr. Nominacija personazhej nizshej mifologii v tjurkskom i slavjanskom jazykovom soznanii: semantiko-kul'turologicheskij aspekt // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No 427, s. 33 – 38).*
- Ефремова, Т. (2000)** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. <<https://www.efremova.info/>> (14.01.2022). (*Yefremova, T. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M.: Russkij jazyk, 2000. <https://www.efremova.info/> (14-01-2022).*
- Зализняк, А., Шмелев, А. (2004)** Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: быт, пошлость, вранье.–В: Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля. прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 209 – 230.

- (*Zalijnjak, A., Shmelev, A. Esteticheskije izmerenije v russkoj jazykovoj kartine mira: byt, poshlost', vran'je. –V:Logicheskij analiz jazyka. Jazyki estetiki: Konceptual'nyje polja prekrasnogo i bezobraznogo. M.: Indrik, 2004. S. 209 – 230.*)
- Ионин, Л. (1996)** Социология культуры. М.: Логос, 1996. 280 с. (*Ionin, L. Sociologija kul'tury. M.: Logos, 1996, 280 s.*)
- Каирова, М.К. (2010)** Лексико-фразеологические способы репрезентации эстетической оценки внешности человека в русской и казахской языковых картинах мира. Дис. ... канд. филол. наук. Астана. (*Kairova, M. K. leksiko-frazeologicheskie sposoby reprezentacii jesteticheskoi ocenki vneshnosti cheloveka v russkoj I kazakhskoj jazykovykh kartinah mira. Dis. (...) kand. filol. nauk. Astana.*)
- Клинцова, Ю. В. (2007)** Лексико-семантические и когнитивно-деривационные аспекты гиперконцепта "Красота": на материале английского и русского языков. Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар. (*Klincova, Ju. V. Leksiko-semanticheskie I kognitivno-derivacionnye aspekty giperkoncepta "Krasota": na material anglijskogo I russkogo jazykov. Dis. (...) kand.fiol.nauk. Krasnodar.*);
- Ковшова, М. Л. (2004)** Понятие красоты в русской фразеологии и фольклоре: Внешние качества и внутренние свойства человека. –В: Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. Москва: Индрик, с. 613 – 620 (*Kovshova, M. L. Ponyatie krasoty v russkoj frazeologii I fol'klоре: Vneshnie kachestva I vnutrennye svojstva cheloveka. –V: logicheskij analiz jazyka. Jazyki jestetiki: Konceptual'nye pol'a prekrasnogo I bezobraznogo. Moskva. Indrik, s. 613 – 620.*)
- Летуновская, Н.В. (2004)** Лексико-семантическая репрезентация концепта „красота“ в немецком и русском языках. Дис. ... канд. филол. наук. Москва. (*Letunovskaya, N.V. Leksiko-semanticheskaya reprezentaciya koncepta "krasota" v nemeckom I russkom jazykakh. Dis. (...) kand. filol. Nauk. Moskva.*)
- Мурясов, Р. (2015)** Мифонимы в системе языка. // *Вестник Башкирского университета*. 2015. № 20(3), с. 952 – 956. (*Murjasov, R. Mifonimy v sisteme jazyka // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2015. No 20(3), s. 952 – 956.*)
- НКРЯ** Национальный корпус русского языка. <<https://ruscorpora.ru/new/>> (3.11.2021). (NKRJa: Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. <<https://ruscorpora.ru/new/>> (03.11.2021).)
- Окунева, И. О. (2009)** Концепт "красота" в русском и английском языках. Дис. ... канд. филол. наук. Москва. (*Okuneva, I.O. Koncept "krasota" v russkom I anglijskom jazykakh. Dis. (...) kand.fiol.nauk. Moskva.*)
- Пак, А. О. (2009)** Сопоставительное исследование концепта "красота" в китайском и русском языках. Дис. ... канд. филол. наук. Душанбе. (*Pak, A. O. Sopostovitel'noe issledovanie koncepta "krasota" v kitajskom I russkom jazykakh. Dis. (...) kand. filol. Nauk. Dushambe.*)
- Пенчева, Ж. (2020)** Изтокът и „Страшният съд“ в българското православно изкуство. // *Езикова свята*, кн. 18.1, 2020, с. 125 – 131. (*Pencheva Zh. Iztoküt i „Strashniyat süd“ v bülgarskoto pravoslavno izkustvo // Ezikov svyat, kn. 18.1, 2020, s. 125 – 131.*)
- Подольская, Н. (1978)** Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с. (*Podol'skaja, N. Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii. M.: Nauka, 1978. 199 s.*)
- Попова, Н. (2009)** Понятие “безобразия” в русском языке как нарушение эстетических и этических норм. // *Вестник Вятского государственного университета*. 2009. № 1, с. 46 – 50. (*Popova, N. Ponyatiye "bezobrazije" v russkom jazyke kak narusheniye esteticheskikh i eticheskikh norm. // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 1, s. 46 – 50.*)
- Путилова, Е., Шуталева, А. и др. (2010)** Многомерность понимания религиозного опыта. Нижний Тагил, УрФУ, 94 с. (*Putilova, Ye., Shutaleva, A. i dr. Mnogomernost' ponimaniya religioznogo opyta. Nizhnij Tagil, UrFU., 94 s.*)

- Суперанская, А. (2007) Общая теория имени собственного. М.: URSS, 2007. 366 с. (*Superanskaja, A. Obshchaja teorija imeni sobstvennogo. M.: URSS, 2007. 366 s.*).
- Токарев, С. (гл. ред.) (2008) Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание. М.: Советская энциклопедия, 2008. 1147 с. <<http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/29556/>> (22.12.2021) (*Tokarev, S. (gl. red.). Mify narodov mira. Enciklopedija. Elektronnoje izdanije. M.: Sovetskaja entsiklopedija, 2008. 1147 s. <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/29556/> (22-12-2021).*)
- Толстая, С. (2012) Смерть. –В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 58 – 71. (*Tolstaja, S. Smert'. –V: Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'. Pod obshchej red. N. I. Tolstogo. T. 5. M.: Mezhdunarodnyje otnoshenija, 2012. S. 58 – 71.*)
- Толстой, Н. (1995) Ангел –В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 107 – 109. (*Tolstoj, N. Angel –V: Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'. Pod obshchej red. N. I. Tolstogo. T. 1. M.: Mezhdunarodnyje otnoshenija, 1995. S. 107 – 109.*)
- Хади, А.Х. (2010) Образы-эталонны как объекты устойчивых сравнений при характеристике человека в русском языке. // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2010. № 6, с. 15 – 23. (*Hadi, H. A. Obrazy-etalony kak ob"jekty ustojchivyh sravnenij pri harakteristike cheloveka v russkom jazyke // Aktual'nyje voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2010. № 6, s. 15 – 23.*)
- Хуа, Ли (2006) Положительная эстетическая оценка в русском языке: Красота с позиции носителя китайского языка и культуры. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва. (*Hua, Li. Polozhitel'naja jesteticheskaja ocenka v russkom jazyke: Krasota s pozicii nositel'a kitajskogo jazyka i kul'tury. Avtoref.dos. (...0 kand.filol.nauk. Moskva.)*)
- Черкашина, Е.А. (2014) Концепт «Красота» в русском языке // *Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова*. № 2, с. 38 – 43. (*Cherkashina, E. A. Koncept "Krasota" v russkom jazyke. // Vestnik Tanganrogskego institute im. A. P. Chekhova, № 2, s. 38 – 43.*)
- Юнг, К.Г. (1991) Архетип и символ. Сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Renaissance, 1991. 343 с. (*Jung, K.G. Arhetip i simvol. Sost. i vstup. st. A. M. Rutkevicha. M.: Renaissance, 1991, 343 s.*)
- Яблоков, И. (2012) История религии. М.: Юрайт, 2012. 479 с. (*Jablokov, I. Istorija religii. M.: Jurajt, 2012. 479 s.*)
- Albekova, A., Kurmanova, Z., et al. (2021) One more time about the heart: naive anatomy in the Kazakh, Russian and English pictures of the World // *Przeglad Wschodnioeuropejski*. 2021. Vol. XII. No 2, p. 459 – 475. DOI: 10.31648/pw.6876
- Eco, U. (2007) Storia della brutezza. Milan: Bompiani. 454 p. https://www.academia.edu/5679259/Eco_Umberto_Storia_della_bellezza (18-12-2021)
- Fraser, H. (1986) Beauty and Belief: Aesthetics and Religion in Victorian Literature. Cambridge University Press, 1986. 287 p.
- Ivanova, V., Petkova, G. (2020) Developing online practice tests to check the acquisition of idiomatic expressions with animals // *Езиков свят*, кн. 18, Т. 2, 2020, с. 54 – 63. (*Ivanova, V., Petkova, G. Developing online practice tests to check the acquisition of idiomatic expressions with animals // Ezikov svjat, kn. 18, T.2, 2020, s. 54 – 63.*)
- Кęра, М. (2017) Slavic Daemons: The Good, The Bad & The Ugly. 2017. <<https://culture.pl/en/article/slavic-daemons-the-good-the-bad-the-ugly#>> (29-02-2022).
- Moszyński, K. (1967) Kultura ludowa Słowian. T. 2. Kultura duchowa. Cz.1. Warszawa, 1967. 736 s.